КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

ЧЕРВОНО–РУССКІЯ ПРЕДАНІЯ

Отчего на Великой Руси такъ мало историческихъ преданій? Немногіе памятники древности, которые тутъ и тамъ встрѣчаются, развалины, пещеры, курганы, городища, остатки загадочныхъ укрѣпленій рѣдко напоминаютъ русскому крестьянину историческій бытъ Россіи: либо никто и ничего не знаетъ объ этихъ памятникахъ, либо скажутъ вамъ наобумъ, въ самыхъ общихъ словахъ, что тутъ воевали татары, литва, ляхи или даже какой нибудь разбойникъ новѣйшихъ временъ, въ которомъ не было ничего замѣчательнаго, хотя онъ со всею вольницею своею и обратился уже, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ казни своей, въ какое–то богатырское сказочное преданіе. Тоже самое находимъ мы въ пѣсняхъ великорусскихъ: въ нихъ дотого

господствуетъ лирическое направленіе, что между тысячами ихъ довольно трудно найти хотя одну эпическую, съ какимъ либо историческимъ преданіемъ. На самомъ сѣверѣ Россіи сохранилось нѣсколько болѣе подобныхъ памятниковъ: видно, новгородцы, населившіе Заволочье и поморье, вынесли съ собою тогда нѣсколько болѣе наклонности къ бытовымъ воспоминаніямъ; все племя это вообще и понынѣ отличается говоромъ своимъ отъ всѣхъ прочихъ жителей Великой Руси и приближается, частію по произношенію, частію по сохранившимся издревле выраженіямъ, къ южной Руси.

Что касается до сей послѣдней, то она, по направленію и духу воспоминаній своихъ, въ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ, братски примыкаетъ къ сосѣднимъ южно–славянскимъ племенамъ; не было, конечно, въ томъ краю ни одного историческаго событія, которое бы не оставило по себѣ памятникомъ пѣсню или сказку въ устахъ слѣпаго бандуриста.

На рѣкѣ Сбручѣ, пограничной между Россіею и Австріей, на чрезвычайномъ крутомъ и довольно высокомъ берегу, сто√тъ село Чернокозинцы, гдѣ видны понынѣ остатки каменнаго укрѣпленія: направо отъ развалинъ этихъ, вверхъ по рѣкѣ, находится замѣчательный самородный мостъ, длиною въ пять, а шириною до четырехъ саженъ. По первому взгляду кажется весьма вѣроятнымъ, что укрѣпленіе охраняло и обезпечивало переправу, особенно, если предположить, что рѣчка Сбручъ, какъ и увѣряютъ мѣстные жители, теперь обмелѣла, но нѣкогда вздымалась гораздо выше. Мѣстное преданіе говоритъ, что это остатки замка князя Куріятовича. Онъ жилъ тутъ съ сестрою своею, дѣвицею. Во время татарскаго набѣга, гдѣ замокъ захваченъ былъ въ расплохъ, князь принужденъ былъ бѣжать подземными ходами и скрыться въ ущельяхъ Сбруча. О дальнѣйшей участи его ничего болѣе неизвѣстно; но одинъ старикъ, изъ мѣстныхъ жителей, полагалъ, что онъ ушелъ въ Польшу. Сестра князя

Куріятовича, страшась татаръ, бѣжала черезъ описанный нами самородный мостъ за Сбручъ, въ Галицію, унесла съ собою значительное богатство, построила не вдалекѣ въ глухомъ лѣсу каменную церковь съ келіею, гдѣ до конца дней своихъ молилась о пропавшемъ безъ вѣсти братѣ. Говорятъ, что тамошніе поселяне указываютъ понынѣ остатки этой церкви.

На томъ же Сбручѣ, на крутомъ каменистомъ берегу, есть селеніе Голенищево, съ ясными остатками небольшаго каменнаго укрѣпленія, среди коего находится чистый и холодный родникъ, снабженный богатою жилою воды. Крестьяне мѣсто это называютъ Забыткомъ, но помнятъ и понынѣ преданіе, въ которомъ частица истины смѣшана со странною сказкою: «Въ глубокой древности стоялъ здѣсь замокъ, доставшійся по наслѣдству одинокой и сирой княжнѣ, произнесшей обѣтъ дѣвства. О ту же пору властвовалъ по сосѣдству какой–то сильный и страшный владѣтель, бывшій, сверхъ того, еще чародѣемъ: никто и даже

ничто не переносило его взгляда, онъ побѣждалъ и разрушалъ глазами все, на что бы ни обращалъ взоръ; но зато благая природа и взяла нѣкоторыя предосторожности: вѣки у чародѣя этого всегда были сомкнуты, за что онъ и получилъ прозваніе сонливаго Баняка; онъ даже не могъ самъ открыть глазъ, а для этого нужны были два помощника, которые, ставъ осторожно за плечи его, чтобы не встрѣтить страшнаго, губительнаго взора, осторожно подпирали вѣки сонливаго Баняка золотыми вилочками.

Банякъ–сонливый былъ человѣкъ самовластный, самовольный и свирѣпый: все должно было ему покорствовать; малѣйшее противорѣчіе возбуждало въ немъ неукротимый гнѣвъ и месть, а страшная чародѣйская сила, которою онъ владѣлъ, наводила ужасъ на всѣхъ, — и вся страна безусловно ему покорялась. Услышавъ о молодой, прекрасной княжнѣ въ Голенищевѣ, онъ тотчасъ же вспыхнулъ: одной молвы о дѣвственномъ обѣтѣ ея было уже достаточно для возбужденія въ

своевольномъ Банякѣ неодолимаго хотѣнія подчинить княжну своей власти, заставить ее нарушить обѣтъ свой и выйти за него замужъ. Самый обѣтъ казался ему личнымъ для него оскорбленіемъ, какъ нарушеніе безусловной его власти.

Банякъ–сонливый послалъ къ княжнѣ посольство, приказавъ въ довольно гордой, высокомѣрной рѣчи требовать руки княжны. Она отказала. Онъ послалъ на замокъ ратныхъ людей; но они ничего не могли сдѣлать, потому что замокъ снабженъ былъ съѣстными припасами въ изобиліи и, сверхъ того, ключевою водой. Нетерпѣливый, своевольный Банякъ не сталъ выжидать конца этой продолжительной осады: онъ поднялся съ наперсниками своими, прибылъ въ станъ подъ Голенищево, приказалъ себя поставить на такомъ мѣстѣ, откуда видѣнъ былъ весь замокъ, и два человѣка изъ ближнихъ его, доставъ роковыя золотыя вилочки, приподняли ими обвислыя вѣки Баняка до самыхъ бровей: одного этого взгляда на замокъ княжны было достаточно

для конечнаго его разрушенія; стѣны рухнулись, дружина Баняка побила не только дружину княжны, но даже и всѣхъ жителей городка Дивича, стоявшаго подъ замкомъ княжны на берегу рѣки. Опустошеніе было таково, что ни замка, ни городка съ той поры не стало; но зато въ темныя, дождливыя осеннія ночи тѣни побитыхъ жертвъ и понынѣ еще скитаются по долинѣ, на которой стоялъ городъ, и долина эта понынѣ именуется Дивичъ; надъ городищемъ по воздуху проносятся тѣни бывшаго замка и въ толпѣ ихъ свѣтлый лучезарный образъ самой княжны. Она спускается въ долины и утѣшаетъ сѣтующія тѣни. Тогда слышатся вокругъ топотъ конскій, звуки неизвѣстныхъ нынѣ роговъ, клики и вопли и какія–то военныя пѣсни съ припѣвомъ: идемъ на Дивичъ.

Долина Дивичъ разстилается по обѣ стороны Сбруча, и русской и австрійской сторонѣ, мѣстами скалиста и лѣсиста и на западъ упирается въ отроги Карпатовъ.

Поблизости мѣстечка Черче, въ лѣсу, находится какое–то городище, мѣсто,

обнесенное земляными раскатами: его называютъ просто монастыремъ, увѣряя, что въ древности стоялъ здѣсь православный монастырь и что самое названіе Черче происходитъ отъ слова чернецъ, чернцы.

Въ былое время, когда всякій засыпалъ подъ страхомъ татарскаго ночнаго набѣга и просыпался съ молитвою и вопросомъ, не слышно ли чего о татарахъ, жители Черча узнали отъ бѣжавшаго крестьянина, что татары ползутъ на нихъ чешуйчатой змѣей вверхъ по Днѣстру. Жители разбѣжались, спасая кто что могъ, искали убѣжища въ лѣсахъ и въ пещерахъ, донынѣ еще видныхъ въ крутоберегомъ, каменистомъ ложѣ рѣки Смотрича, который обтекаетъ кольцомъ Каменецъ–Подольскій. Но одна изъ жительницъ Черче, молодая, недавно вышедшая замужъ женщина, не могла поспѣть за скрывшеюся толпою и, увидѣвъ, что татары уже разсыпались по улицамъ, едва только успѣла скрыться въ вѣжу, т. е. башню, или колокольню, которая сто√тъ и понынѣ. Тамъ, подъ самой кровлей

колокольни, молодица увидала цѣлую груду разной утвари и домашняго скарба, спрятаннаго жителями отъ хищныхъ татаръ, и въ числѣ этихъ вещей было нѣсколько пищалей. Увидавъ въ то же время приближающійся пльѣздъ, въ которомъ, какъ она догадывалась, долженъ былъ находиться главный вождь татарской дружины, и лишена будучи всякой надежды на спасеніе, она схватила въ отчаяніи одно изъ ружей и, намѣреваясь отмстить за гибель столькихъ земляковъ своихъ и за себя, прицѣлилась сверху черезъ перила колокольни въ татарскаго вождя, ѣхавшаго напереди и одѣтаго въ самое богатое платье: выстрѣлъ раздался, и мурза татарскій, пораженный пулею на смерть, упалъ съ лошади.

Оглядываясь кругомъ убитаго и не видя нигдѣ ни одной живой души, ни даже слѣда дыма, который въ первую минуту при общей тревогѣ никѣмъ не былъ замѣченъ, татары подхватили убитаго предводителя своего, ударили въ рога отбой и поспѣшно отъ города отступили. Простоявъ въ полѣ

не болѣе того, сколько нужно было для отданія вождю своему послѣдней чести, дикіе нашельцы, пораженные какимъ–то суевѣрнымъ страхомъ, поспѣшили уйти назадъ и разсыпаться по необозримымъ степямъ своимъ; а жители Черча вскорѣ возвратились и, къ неизъяснимому изумленію своему и радости, нашли въ цѣлости всѣ вещи, имущество, домы и даже забытыхъ въ хижинахъ дѣтей.

Имя молодицы, которой приписываютъ геройскій подвигъ этотъ, забыто; но она благополучно возвратилась подъ кровъ домашній и своевременно родила тройней, трехъ сыновей, которые получили прозваніе троянъ. Потомки троянъ этихъ ведутся понынѣ; они крестьяне и сохраняютъ прозваніе троянъ, вмѣстѣ съ описаннымъ нами повѣрьемъ.

В.ДАЛЬ